

Егиазарян Гаяне Виуловна

МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В "МОРФО ЕВГЕНИЯ" А. С. БАЙЕТТ

Статья раскрывает системы взаимоотношений мужчины и женщины в произведении А. С. Байетт "Морфо Евгения", в котором можно выделить три модели, разделяющиеся как локально, так и согласно психологическому возрасту героя. Первую можно условно назвать юношеской свободой и безответственностью. Она представлена ретроспективно и локализована в лесах Амазонии, вторая - "викторианский брак", основанный на определенных выгодах, локализованная в Англии, и, наконец, ответственные партнерские отношения, предполагающие свободное перемещение по миру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 18-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

на арабском языке, но Абдуллахаджи оригинал не представляет. Здесь уместно отметить, что в Дагестане переводы арабских текстов, особенно поэтических, были довольно широко распространены, наиболее известными и интересными из них, с точки зрения литературоведения, к примеру, являются касыдат «ал-Бурдат» Кааба ибн аз-Зухайра и Мухаммада ал-Бусири. Но в дагестанском литературоведении об этом, на сегодняшний день, не сказано ничего, это происходит в силу того, что сами тексты этих переводов недоступны, не изданы и даже не собраны.

И в заключение важно отметить, что сборник «Хуласату л-мава'из» Абдуллахаджи из Чоха, упомянутый в каталоге Института истории языка и литературы в 1989 г., по мнению ученых (А. А. Исаев, А. Р. Шихсаидов, С. М. Забитов, С. М. Алиев), составивших и подготовивших к изданию этот каталог, представляется очень важным источником. Но, несмотря на это, наряду с трудами, хранящимися в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, сборник Абдуллахаджи до сих пор остается вне поля зрения научной оценки. Думается, что издание настоящей статьи обратит должное внимание литературоведов и востоковедов на этот труд.

Список литературы

1. **Абдуллахаджи из Чоха.** Хуласату л-маваиз (Сборник назиданий на аварском и арабском языках). Темир-Хан-Шура: Типография М. М. Мавраева, 1908.
2. **Гаджиллова Ш. М.** Арабоязычная дагестанская литература и творчество Фахруддина из Аргвани. Махачкала, 2007. 199 с.
3. **Гамзатов Г. Г.** Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. Махачкала, 1996. 652 с.
4. **Избранные.** Хадису л-Куддуси и Сахих ал-Бухари. М., 2009. 132 с.
5. **Хайбуллаев С. М.** Духовная литература аварцев. Махачкала, 1999. 254 с.
6. **Хасан-эфенди ал-Кахиби.** Хуласату л-адаб. Махачкала, 2001. 154 с.
7. **Шамхалов А.** Тарих ад-Дагестан // Истина. Махачкала, 2011. № 4. С. 12-14.
8. **Юсупова Ч. С.** Али-Гаджи из Инхо. Жизнь и творчество. Махачкала, 1999. 247 с.

ABDULLA HADJJ OF CHOKH AND HIS BLACK-LETTER BOOK “KHULASATU L-MAVA'IZ”

Gadzhilova Shanisat Magomedovna, Ph. D. in Philology

*Tsadasy Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
shanisat05@yandex.ru*

The article focuses on the personality of Abdulla Hadjj of Chokh and his collection “Khulasatu L-Mava'iz” which was previously unknown in the scientific circles. The collection “Khulasatu L-Mava'iz” puts together and systematizes the works of the Avarian pre-revolutionary scientists beginning from the period of Muhammad of Kudatli, an acknowledged founder of Avarian pre-revolutionary literature, till the beginning of the XX century. According to the author, the study of this collection which includes, among the others, the paper written by the compiler himself, contributes greatly into the Dagestan literary criticism. The article also considers the personality of Abdulla Hadjj of Chokh, his life experience and career which is little known nowadays; nevertheless he is one of the most prominent figures among the Avarian intellectuals of the mentioned period.

Key words and phrases: pre-revolutionary literature; cultural orientation; book culture; Islam development; secular intellectuals; liberation movement; evaluations and judgments; artistic consciousness.

УДК 8; 82

Статья раскрывает системы взаимоотношений мужчины и женщины в произведении А. С. Байетт «Морфо Евгения», в котором можно выделить три модели, разделяющиеся как локально, так и согласно психологическому возрасту героя. Первую можно условно назвать юношеской свободой и безответственностью. Она представлена ретроспективно и локализована в лесах Амазонии, вторая – «викторианский брак», основанный на определенных выгодах, локализованная в Англии, и, наконец, ответственные партнерские отношения, предполагающие свободное перемещение по миру.

Ключевые слова и фразы: мужчина; женщина; любовь; ответственность; свобода; партнерские отношения.

Егниазарян Гаяне Виуловна, к. филол. н., доцент

*Ереванский государственный университет языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова, Армения
gyeghiazaryan@hotmail.com; head_englishcom@brusov.am*

МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В «МОРФО ЕВГЕНИЯ» А. С. БАЙЕТТ

«Морфо Евгения» (*Morpho Eugenia*) является первой частью диалогии «Ангелы и насекомые» (*Angels and Insects*, 1992) известной британской писательницы, лауреата Букеровской и других литературных премий Антонии Сюзан Байетт. Целью нашей статьи является исследование различных систем взаимоотношений мужчины и женщины в указанном произведении.

В «Морфо Евгения» писательница сравнивает систему взаимоотношений в викторианской семье с жизнью общественных насекомых. «Морфо Евгения» рассказывает историю сватовства и недолгой семейной жизни талантливого натуралиста Вильяма Адамсона на девушке из богатой семьи Евгении Алабастер, которая воспользовалась его чувством, чтобы скрыть извращенные отношения с единокровным братом.

«Морфо Евгения» имеет достаточно сложную структуру. Кроме основного повествования, произведение содержит многочисленные иные тексты: отрывки из дневника главного героя; книгу, которую герои повествования пишут в тесном сотрудничестве; сказку, написанную Мэтти самостоятельно, а также многочисленные сплетни, философские и богословские дискуссии, сказки, рассказы, пересказы и интерпретации, притчи. Жанровое разнообразие вставных эпизодов типично для постмодернистского произведения.

В «Морфо Евгения» А. С. Байетт использует прием, уже положительно зарекомендовавший себя в романе Дж. Фаулза «Подруга французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*, 1969). О. Толстых утверждает, что «в неовикторианских романах А. С. Байетт можно обнаружить множество параллелей с романом Дж. Фаулза на сюжетно-композиционном, идейно-тематическом, художественно-образном уровнях, что подтверждает тезис о том, что викторианская эпоха, представленная произведениями классиков английской литературы, ассоциируется у писателей XX века с одними и теми же понятиями» [6, с. 12]. Подобно В. Скотту, Дж. Фаулз помещает своего честного и порядочного героя-протагониста в общество с непривычным ему укладом жизни, наделяет его интересом к естественным наукам, что позволяет сохранять определенную объективность, и показывает, как тот пытается осмыслить происходящее с помощью формальной логики. Повествование в «Морфо Евгения» построено похожим образом: «Разобраться в повседневной жизни Бридли-Холла было нелегко. Вильям чувствовал себя одновременно беспристрастным антропологом и сказочным принцем, которого удерживали в заколдованном замке незримые врата и шелковые узы. Каждый здесь занимал определенное место и вел определенный образ жизни, так что ежедневно на протяжении месяцев он открывал для себя новых людей, о существовании которых не подозревал, занимавшихся делами, ранее ему неизвестными» [1]. Но, в отличие от героев В. Скотта, Вильям Адамсон сам оказывается предметом изучения со стороны женщины, которая долгое время скрывает свой богатый внутренний мир и мощный интеллект.

По нашему мнению, «Морфо Евгения» можно рассмотреть также как своеобразную интерпретацию библейского мифа о потерянном рае с несколькими возможными системами взаимоотношений мужчины и женщины. Неслучайно главный герой вспоминает, что одной из немногих книг, которые он взял с собой в Амазонию, был томик поэм Мильтона: «Упражнения в описании природы сделали его ценителем поэзии. В джунглях он читал и перечитывал “Потерянный рай”, “Рай обретенный” и сборник “Перлы наших старых поэтов”» [Там же]. Понятие «рай» достаточно неоднозначно в «Морфо Евгения». Он представлен и как амазонские джунгли с обильным разнообразием животных и растений, где женщины смуглы, раскрепощены, не навязывают себя мужчине, они воспринимаются героем как «естественные люди» из произведений Руссо; и как в буквальном смысле «райский сад»: оранжерея в Бридли Холл, защищенная от внешних воздействий прозрачными стенами, где герой признается в любви к Евгении; и как мягкий знакомый с детства ландшафт средней Англии, с ее полями, небольшими рощами, пологими холмами, где герои ищут и исследуют муравьиные города.

Вильям Адамсон в начале повествования оказывается на небольшом семейном балу семейства Алабастер вскоре после кораблекрушения, во время которого погибли результаты его десятилетней экспедиции в Амазонию. Само кораблекрушение и последующие три недели плавания почти без пищи и воды воспринимаются как инициация, после которой герой встает на новую, более высокую ступень личного развития. Необходимо отметить, что пересечение океана А. С. Байетт выбирает для своего героя в качестве физического воплощения психологических изменений его личности.

Его воспоминания о джунглях полны женщин разных оттенков от смуглых до черных, которые легко дарили ему физическое наслаждение, но жили в своем женском мире и даже не пытались проникнуть в помыслы и желания Вильяма. Они знали, что он «чужак», и научили его легко любить, не привязываться. В начале супружеской жизни Вильям постоянно воспринимает Евгению именно на контрасте со своими амазонскими подругами, и когда его что-либо не устраивает, он винит себя за аморальность, безответственность, за возможных «голубоглазых детей». Писательница использует любопытный прием. Оба раза в «Морфо Евгения», когда герой переживает сильный эмоциональный стресс, он крепко засыпает и просыпается обновленным, с уже готовым решением, как насекомое, которое окукливается, засыпает, затем возрождается уже в новой форме и на каждом этапе трансформации инстинктивно знает программу своего поведения.

К библейским мотивам апеллируют также имена главных героев произведения. Фамилия Вильяма дословно переводится как «сын Адама», но в «Морфо Евгения» он представлен как сам Адам, первочеловек, очнувшийся из небытия и оказавшийся в «раю», в котором он должен определить себя, «дать имена всем душам живым» [2, 2:19], найти женщину, познать блаженство и грех и, в конце концов, покинуть «благодатное место», чтобы стать человеком в полном смысле слова. Символически также возраст Вильяма в начале произведения: ему 33 года.

Имя Вильям происходит от древнегерманских слов «willio» (воля, решительность) и «helm» (шлем, защита) и часто переводится как «мужественный защитник» [3]. Герой оправдывает значение своего имени. Ему хватает мужества заявить о своих чувствах, стойко сносить пренебрежительное отношение новых родственников, защищать слабых, бороться с несправедливостью, а затем отказаться от обеспеченной жизни и продолжить свой путь.

Значение имени Евгении Алабастер можно рассмотреть с нескольких точек зрения. Во-первых, «имя Евгения» – это женская форма мужского имени Евгений, в переводе с древнегреческого языка означает «благородная»,

“высокородная”, “потомок благородного рода”» [4]. Его краткая, уменьшительно-ласкательная форма звучит как Ева, имя первоженщины. Адам и Ева при сотворении, согласно книге Бытия, оставались наги, но сохраняли невинность. Описание первого танца Вильяма и Евгении очень точно передает этот круг ассоциаций, который автор целенаправленно вызывает у читателя: «С высоты своего роста он видел ее бледное лицо, ее крупные веки, почти прозрачные, так что сквозь кожу просвечивала сеточка жилок, видел окаймлявшие их светлые, золотистые густые ресницы. Через перчатку он чувствовал слабое тепло тонких пальцев, лежащих в его руке. Ее непорочно белые плечи и бюст окружала кипень тюля и тарлатана, подобно пене морской, породившей Афродиту. Простая нитка белоснежного жемчуга, мерцая, едва выделялась на белоснежной шее. Ее нагота была гордой и недоступной» [1]. Впоследствии манера авторского высказывания о Евгении все больше напоминает описание ее матери, которое акцентируется поразительной плодовитостью героини: пятеро детей за три года.

Фамилия Евгении, на первый взгляд, кажется удивительно соответствующей имени. Алабастр переводится как «алебастр, белый». Белый цвет изначально почти во всех европейских культурах трактуется как цвет чистоты и невинности, неслучайно девушки выходят замуж в белых платьях. Но с другой стороны, у индейцев Латинской Америки, уклад жизни которых Вильям изучал десять лет, а также в Индии белый цвет является цветом греха, смерти и траура. А автор произведения, живя на рубеже XX-XXI веков, не может не знать, что если алебастр и ценился еще 100-50 лет назад благодаря своей огнеупорности, стабильности, которую он придавал строительным конструкциям, гигиеничности (вещь из алебастра можно легко очистить, бросив в огонь), то сейчас существует мнение, что этот материал является высокотоксичным, он вызывает постепенное развитие онкологических заболеваний и легочную недостаточность. Поэтому имя Алабастр подсказывает современному читателю, что поведение подобного персонажа не следует однозначно интерпретировать.

Образ же истинной жены, которую Вильям должен найти в райском саду, проявляется далеко не сразу, хотя упоминается на первой же странице: «Если вам самому трудно сделать выбор, я попрошу Мэтти подыскать вам хорошенькую партнершу» [Там же], – предлагает ему леди Алабастр. Ее положение в доме изначально вызывает недоумение: «Еще в доме жила сухопарая мисс Кромптон, которую обычно называли Мэтти. Она не была ни гувернанткой – эти обязанности исполняла мисс Мид, – ни няней, как Дакрес...» [Там же]. Но ее сообразительность, умение виртуозно придумывать, чем занять свободное время для представителей всех возрастов, ее тщательно скрываемые таланты художницы и писательницы, смелость и бесстрашие проявляются постепенно. Все осуществленные творческие идеи в книге принадлежат Мэтти Кромптон.

Лишь в конце повествования в своей маленькой, бедно обставленной и набитой книгами комнате она потребует называть ее только полным именем, Матильда, тем самым обретая особое место в жизни Вильяма Адамсона, предлагая ему невероятный для викторианца сценарий свободных партнерских отношений двух независимых личностей. Имя Матильда является женским вариантом имени Матфей [5], которое по-английски звучит Мэтью и означает «человек Бога». Левий Матфей, как известно, считается старшим из канонических евангелистов, интерпретаторов слова Христа. Таким образом, для европейца-христианина, даже если его сознание не религиозно, а Вильям Адамсон считает себя атеистом, система взаимоотношений Ветхого Завета должна смениться евангельской, христианской. Апостол Матфей является первым из поведавших о жизни и страданиях Христа, его собственное житие рисует нам человека деятельного, решительного и преданного. Поэтому когда Вильям разочаровывается в Евгении, ложной Еве, рядом с ним по дороге жизни пойдет Матильда, как проводник и духовный лидер. Измена жены возвращает герою утерянную было физическую и духовную свободу.

В конце произведения мы видим Вильяма Адамсона уже самодостаточным человеком в возрасте акме¹ вместе с любимой женщиной на палубе корабля, отправляющегося в Амазонию. Интересно, что на каждом этапе жизненного пути героя сопровождают разные женщины.

Таким образом, в «Морфо Евгения» А. С. Байетт описывает три системы взаимоотношений мужчины и женщины на трех разных этапах развития личности героя. Юношество предполагает легкие взаимно необременительные многочисленные связи. Слепая страсть, поклонение, идеализация объекта своей любви, с одной стороны, и холодный расчет, с другой, характерны для молодого мужчины. А зрелость требует доверия и взаимоуважения в равных партнерских отношениях.

Список литературы

1. Байетт А. С. Морфо Евгения [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/3879/Baiiett_-_Morfo_Evgeniya.html (дата обращения: 23.06.2016).
2. Бытие // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1993.
3. Значение имени Вильгельм [Электронный ресурс] // Как зовут.ру. URL: <http://kakovut.ru/names/vilgelm.html> (дата обращения: 25.06.2016).
4. Значение имени Евгения [Электронный ресурс] // Как зовут.ру. URL: <http://kakovut.ru/names/evgeniya.html> (дата обращения: 25.06.2016).
5. Значение имени Матвей [Электронный ресурс] // Как зовут.ру. URL: <http://kakovut.ru/names/matvey.html> (дата обращения: 25.06.2016).
6. Толстых О. А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа): автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2008. 24 с.

¹ Возраст наивысшего физического и психологического расцвета, по мнению Данте Алигьери, приблизительно от 30 до 50 лет.

MODEL OF THE RELATIONSHIP OF MEN AND WOMEN IN "MORPHO EUGENIA» BY A. S. BYATT

Egiazaryan Gayane Viulovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences
gyeghiazaryan@hotmail.com; head_englishcom@brusov.am

The article reveals the system of the relationships of men and women in A. S. Byatt's work "Morpho Eugenia", in which there are three models that can be divided both locally and in accordance with the psychological age of the character. The first one can be described as a youthful freedom and irresponsibility. It is presented retrospectively and localized in the Amazon forests, the second one is a "Victorian marriage" based on particular benefits and localized in England, and finally, responsible partnership, involving the free movement all over the world.

Key words and phrases: man; woman; love; responsibility; freedom; moral-ethical.

УДК 821.161.1

В статье рассматривается специфика французского восприятия поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на начальном этапе сближения Франции и России в конце XIX века. Выявляются основные факторы, оказывавшие как ускоряющее, так и сдерживающее воздействие на рецепцию поэмы; особое внимание уделено «Русскому роману» Э. М. де Вогиюэ. Представлены результаты обзора французских изданий того времени, посвященных русской литературе вообще и «Мертвым душам» в частности.

Ключевые слова и фразы: Гоголь; «Мертвые души»; франко-русский союз; Вогиюэ; литературная критика; рецепция.

Завгородний Алексей Михайлович

Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
almzav@yandex.ru

**ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»
В ЭПОХУ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА: КОНЕЦ XIX В.**

Если на первом этапе французской рецепции «Мертвых душ» преобладал утилитарный взгляд на поэму – тема рабства и отмены крепостного права в России вызывала тогда во Франции особый интерес [11, с. 33] – то к моменту заключения франко-русского союза (1891-1893 гг.) ситуация качественно изменилась и в первую очередь благодаря Эжену Мельхиору де Вогиюэ.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению его вклада в ознакомление французов с русской литературой и «Мертвыми душами» в частности, необходимо отметить, что сближение Франции и России началось несколько раньше – после поражения Франции во франко-прусской войне (1870-1871 гг.). Поэтому хотелось бы обратить внимание на несколько работ, ставших доступными французскому читателю еще до выхода в свет знаменитого «Русского романа» Вогиюэ (1886) [29].

В 1872 г. появляется французский перевод А. Ромальда «Курса истории русской литературы (862-1862)» К. Петрова [26], выдержавшего несколько переизданий в России. Из краткой библиографической заметки Г. Демарна [22, р. 48] мы узнаем, что это был первый обзорный труд по русской литературе на французском языке. О том, что это «первая и единственная на тот момент» [26, р. V] работа подобного рода, говорил и сам переводчик. В местах, посвященных «Мертвым душам», К. Петров сосредотачивается главным образом на демонстрации типов, созданных Гоголем.

Перевод А. Ромальда нельзя назвать идеальным, но то, что он подошел к своему делу неравнодушно – это несомненно. В местах, где его соотечественникам российские реалии могли оказаться неизвестными, он дополнял текст разъяснениями, например, как в случае с «мертвыми душами» [Ibidem, p. 142]. Там же, где он сам не был уверен в адекватности передаваемого смысла, он делал пропуски, например, как в случае с оборотом «каких на Руси называют кулаками» [14, с. 123]. Но за некоторыми опущениями, как нам видится, стояла другая причина. Возможно, это было желание обойти «острые углы», которые могли бы раздражить французского читателя, заставить потерять ту заинтересованность, которая приобреталась – как, очевидно, рассчитывал А. Ромальд – во время чтения. Так, он оставляет непереуверенным заключение К. Петрова, в котором автор классифицирует гоголевские типы: «Главные типы, выведенные Гоголем, можно разделить на два разряда: в одних выражается страшная распушенность характера, у других характер тупой, сосредоточенный; но и у них, при мелком расчете, главными чертами служат: или тупость, или дикая грубость, или совершенная скаредность» [Там же]. Вопрос художественной самостоятельности, способности русских создавать оригинальные типы всегда был болезненным для французов. Вспомним хотя бы Барбе д'Оревильи: Чичиков не обладал «даром индивидуализации <...> Совершенно очевидно, что автор и не помышлял о том, чтобы создать характер» [3, с. 260]. И хотя в данном пассаже А. Петрова нет явной претензии на самобытность, но имплицитно чувствуется литературоведческая статья, твердость, уверенность, которые могли бы вызвать у французского читателя негативную реакцию: «да как они смеют, азиаты». Или другой